

*Грета Ионкис,
профессор, доктор филологии,
член Пушкинского общества Германии
Кёльн, Германия*

ПУШКИН КАК НОМО LUDENS:

«ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА» КАК МОДЕЛЬ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Нужно ли говорить, что Пушкин по
меньшей мере наполовину пародиен?

Абрам Терц

Предположение о том, что «История села Горюхина» могла послужить Салтыкову-Щедрину моделью для «Истории одного города» было высказано Б.М.Эйхенбаумом. Комментируя книгу Щедрина для детского издания в 1934 году, он обратил внимание на ее сходство с пушкинским наброском, но сказал об этом вскользь, мимоходом.¹ Удивительно, но исследователи творчества Щедрина оставили без внимания замечание Эйхенбаума, прошли мимо него и пушкинисты. Между тем, сопоставление двух «Историй» значительно расширяет представления о характере смеха Пушкина-прозаика и одновременно подсказывает возможности нового прочтения уникальной книги Щедрина.

«История села Горюхина» писалась вслед за повестями Белкина осенью 1830 года, осталась незаконченной и была опубликована в «Современнике» (1837, т.VII) после гибели автора. В черновиках Пушкина был найден план «Истории», предпоследним пунктом которого значился «Бунт». Магическая сила этого слова, сакрализованного при советском режиме (разумеется, при условии, что бунт антимоноархичен), была настолько велика, что даже пушкинист первого ряда Б.Томашевский усмотрел в нем намек на «крестьянскую революцию». Правда, к его чести, он уточнил: «Бунт горюхинских мужиков в пародической рамке белкинского летописания не мог достигать больших масштабов и, по-видимому, замышлялся Пушкиным лишь как эпизод скорбной истории разоряемых мужиков обнищавшего поместья».² Ценность уточнения еще и в том, что ученый подтвердил уже высказанное до него определение формы «Истории» как пародической. Первым обратил на это внимание в 1888 году Н.Страхов, и с ним согласился один из ведущих пушкинистов современности Юрий Тынянов: «История села Горюхина является экспериментом писателя-историка – пародическим осмыслением „Истории

¹ Б. Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969, стр.460.

² Б. Томашевский. Пушкин. М.-Л., 1961, стр.145.

государства Российского» Карамзина».¹ Однако анализ пушкинского текста выявляет множественность объектов пародирования.

Есть основания считать главным объектом пародирования не труд Карамзина, а «Историю русского народа» Н.А.Полевого, первый том которой вышел в 1829 году и вызвал оживленную полемику (статьи и суждения Н. Погодина, М. Надеждина, А.Воейкова, П. Вяземского и др.). Пушкин откликнулся на него двумя критическими статьями в «Литературной газете».⁴ Помимо упреков в несовершенстве слога и в опрометчивости многих суждений, в них говорилось о некритическом, «с энтузиазмом неопита», следовании Полевого французским историографам романтической школы, о необдуманности его нападок на Карамзина, о мелочности его придинок к автору «Истории государства Российского», который, по мнению Пушкина, «есть первый наш историк и последний летописец».⁵ Такая неблагодарность выставляет Полевого в невыгодном свете, тем более что он идет вослед Карамзину, хотя и силится противоречить ему: «Он повторяет *сбивчиво* то, что было *ясно* изложено Карамзиным»⁶ (курсив наш - Г.И.).

Второй том «Истории» Полевого, в глазах Пушкина, «имеет большое преимущество перед первым».⁷ Пушкин берет его с собой в Болдино и внимательно штудирует, о чем сообщает Н. Погодину: «Дай Бог здоровье Полевому! Его второй том со мною и составляет утешение мое».⁸

Помимо этих косвенных свидетельств в тексте «Истории села Горюхина» есть прямые подтверждения тому, что «История» Полевого дала Пушкину богатый материал для пародирования. Сочинение Полевого начинается посвящением: «Г-ну Нибуру, первому историку нашего века». У Пушкина посвящение вызвало чувство возмущенного недоумения: «Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? Должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности?»⁹

В самом начале «Истории села Горюхина» мы встречаем имя немецкого историка Нибура. Горюхинский литератор, говоря о Курганове, сочинителе «Новейшего письмовника», которому он якобы всецело был обязан своим образованием, вспоминает, что в отрочестве имя сего мужа казалось ему почти «мифою, ожидавшею изыскания нового Нибура». Разумеется, имя автора «Римской истории» появилось здесь не случайно, это еще одна стрела в Полевого и одновременно - прием комического преувеличения.

Велеречивый стиль авторского предуведомления в «Истории села Горюхина» пародирует предисловие Полевого к первому тому его «Истории», о котором Пушкин заметил, что оно «писано темным, изысканным слогом», отличается «противоречиями и многословием».¹⁰

¹ Ю.Н.Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969, стр.164.

⁴ А.С.Пушкин. «История русского народа», сочинение Николая Полевого. - Литературная газета, № 4, 16. 01. 1830; № 12, 25. 02. 1830.

⁵ А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., «Наука». Т. VII, 1964, стр. 133.

⁶ Там же, стр.137.

⁷ Там же, стр. 141.

⁸ Там же. Т.Х. М., 1966, стр. 314.

⁹ Там же, т. VII, стр.131.

¹⁰ Там же, стр. 132.

Ключом к прочтению «Истории села Горюхина» могут служить заметки Пушкина (1830) о «Графе Нулине» (который был написан пятью годами ранее, вслед за «Борисом Годуновым»): «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая "Лукрецию", довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило бы его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть». ¹¹ Тынянов, читая эти заметки, пришел к мысли, что «Граф Нулин», оцененный критикой как скабресный анекдот, явился «методологическим экспериментом», «возник диалектически в итоге работы с историческим материалом (по завершении "Бориса Годунова" - Г.И.), в итоге возникшего вопроса об историческом материале как современном». ¹²

Исторические сюжеты привлекали Пушкина-художника еще на лицейской скамье. Именно в исторической поэме «Руслан и Людмила» он состоялся как Пушкин. Нарастающее влечение к истории диктовалось живым интересом к современности. Настоящее и прошлое, по Пушкину, - два зеркала, обращенных друг на друга. В прошлом видна перспектива настоящего (если не будущего!). Актуальные социальные проблемы, их осмысление породили темы Петра, Бориса, Пугачева. Под их влиянием появились у Пушкина планы писать историю кавказских войн, французской революции, историю XVIII века и даже своего времени. ¹³

1830-е годы были временем повсеместного расцвета исторического романа. В литературе царил Вальтер Скотт. Пушкин, обратившийся после «Бориса Годунова» к «исторической» поэме («Полтава», «Медный всадник»), уже к концу 1820-х годов склоняется к прозе, которая начинается историческим - пусть неоконченным - романом «Арап Петра Великого». Всегда бежавший сложившихся канонов, называвший себя скептиком в литературе, и не столько продолжавший, сколько дразнивший традицию, Пушкин смог избежать искушения стать русским Вальтером Скоттом (искушал царь, рекомендовавший превратить «Бориса Годунова» в роман наподобие скоттовского). Используя открытия «шотландского чародея», Пушкин пошел своим, непроторенным путем в осмыслении национальной истории. В том, что он как мыслитель двигался в сторону философии истории, нет никаких сомнений.

В Болдине Пушкин, как замечает Ю.М.Лотман, «не только за письменным столом окружен историей, не только тогда, когда обращается к разным эпохам в "маленьких трагедиях" или анализирует исторические труды Н.Полевого. Он сам живет, окруженный и пронизанный историей». ¹⁴

¹¹ Там же, стр. 226.

¹² Ю.Н.Тынянов. Пушкин и его современники, стр. 152.

¹³ А.Н.Вульф приводит в дневнике (запись от 16.09. 1827 г.) слова Пушкина: «Непреренно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая и об 14-м декабря». В кн. - Любовный быт пушкинской эпохи. М., 1994, стр. 269. «Сперанский советовал мне писать историю моего времени», - записывает в дневнике в марте 1834 года. - А.С.Пушкин. ПСС.Т.VIII, 1965. Стр. 42.

¹⁴ Ю.М.Лотман. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. М., 1983, стр. 188.

Пушкин интересовался пугачевской историей Болдина, которая по хронологии должна была попасть в горюхинскую историю: в Болдине крестьяне оказались «приклонны к приехавшим злодеям». Современное положение дел его тревожило. 1830-й год был, по мнению Пушкина, печальным для России. «Россия нуждается в покое, - пишет он Е.М.Хитрово по возвращении из Болдина. - Я только что проехал по ней. Народ подавлен и раздражен».¹⁵ Серьезность ситуации не исключала для Пушкина, с его насмешливым умом, и пародийного подхода к исторической теме. Возникшая при чтении Шекспира, мысль пародировать историю реализовалась в «Истории села Горюхина».

«История села Горюхина» связана с повестями Белкина общим рассказчиком. В «Прогулках с Пушкиным» Андрей Синявский высказывает необоснованное, на наш взгляд, предположение, будто «Пушкин стыдился козырять реализмом и во избежание мезальянса свои провинциальные повести спихивал на безответного Белкина».¹⁶ Да, недоброжелатели упрекали Пушкина в «литературном аристократизме», особенно усердствовал Булгарин, не замечая, что он и в поэзии с середины 1820-х годов шел к «снижению». Тем более, нечего было ему стыдиться «подлой» прозы.

В 1828 году с досадой и огорчением поэт признается: «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобождаемую от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».¹⁷

Нет, Пушкин не прятался за Белкиным, просто авторское лицо его менялось (Тынянов находит его эволюцию катастрофически стремительной). Белкин стал носителем простого, ясного, незамысловатого языка и стиля, лишённого жеманства и украшательства, выразителем тенденции «просторечия», возобладавшей у поэта в середине 1820-х. Всякое отступление от простоты в речи рассказчика (а их немало в пародийной «Истории») теперь будет вести к комическому эффекту, о чем - ниже.

Кроме Ивана Петровича Белкина Пушкин ввел в «Историю села Горюхина» других перекрестных рассказчиков. Этот стилистический прием открывал новые художественные возможности, в частности - множественность точек зрения на предмет повествования, их переключку, перебивку, игру зеркальных отражений. Дух игры, дух карнавализации присущ не только лицеисту Пушкину, но и зрелому мастеру. Показательно, что М.Бахтин, исследуя освоение Достоевским карнавальской традиции, указал на Пушкина как на один из источников влияния и при этом назвал в качестве наиболее карнавализованных произведений «Бориса Годунова», повести Белкина, «болдинские трагедии» и «Пиковую даму».¹⁸ Дух карнавализации в «Истории села Горюхина», создававшейся тоже в болдинскую осень, выражен даже сильнее, чем в повестях Белкина. Именно этот дух, по нашему мнению, был притягателен для Салтыкова-Щедрина.

В «Истории села Горюхина» Пушкин пользуется приемами комической стилизации, пародирования, мистификации. Носителем духа мистификации является рассказчик. Хотя факты биографии Белкина, изложенные во вступлении к повестям, в основном совпадают с теми, что приведены в предисловии к «Истории», они поданы по-разному,

¹⁵ А.С.Пушкин. ПСС. Т.Х, стр. 832.

¹⁶ Абрам Терц. Прогулки с Пушкиным. Лондон, 1975, стр. 87.

¹⁷ А.С.Пушкин. ПСС. Т. VII, стр. 81.

¹⁸ М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 213.

акценты расставлены иначе, а потому и впечатления от них разнятся. В повестях сведения о покойном Иване Петровиче Белкине даны в изложении его соседа, водившего дружбу с отцом покойного, причем издатель приводит его письмо-характеристику полностью, без каких-либо комментариев. Сосед характеризует Белкина как добросердечного, кроткого и честного человека, но хозяина неумелого; о его литературных занятиях упомянуто лишь вскользь.

Авторское предуведомление, составляющее добрую половину текста «Истории», - это самохарактеристика, исполненная самоиронии, она включает элементы пародирования и розыгрыша. Исповедь рассказчика, вводящая в круг его литературных интересов, строится на профанации и снижении, амбивалентном - в духе карнавальской игры - развенчании и увенчании героя. У Белкина появляется новое качество: нечто от шута и дурака, этих носителей смехового, карнавального начала. Кстати, в «Гробовщике», который писался первым, прямо говорится о веселых и шуточных гробкопателях у Шекспира и Вальтера Скотта.

В свете вышесказанного по-новому видится и такая деталь: в повестях Белкина сказано, что их автор родился в 1798 году. В «Истории» рассказчик называет иную дату - 1 апреля 1801 года. Выбор даты неслучаен. 1 апреля в России почиталось днем веселых розыгрышей (традиция восходит к Древнему Риму, откуда пришел в Европу и карнавал). В авторском предуведомлении царит игровое начало. Так, заявляя о своем пристрастии к чтению и преклонении перед «сочинителями», герой утверждает, что все познания свои он приобрел от сельского дьячка, а сам процесс познания на десятом году был чуть ли ни завершен. В доме книг отродясь не водилось. Родители листали лишь календари, сам же рассказчик не читал ничего, кроме Новейшего письмовника, автор которого представлялся ему полубогом. Невозможно поверить в то, что человек, выросший в подобной среде, воспитанный на этом издании для малообразованного читателя, проучившийся в пансионе лишь три месяца и освоивший за это время единственную науку - игру в лапту, мог стать автором «Выстрела», «Метели», «Станционного смотрителя». Однако из-под маски новоявленного Митрофана нет-нет да и проглянет лицо человека глубоко образованного и ироничного (это - и сравнение себя с «многострадальным Одисеем», и упоминание о «бессмертном труде аббата Милота» и об отечественных историках Татищеве, Болтине, Голикове). Налицо розыгрыш и мистификация. Этим приемом пользуется и Щедрин, его летописец упоминает историков Костомарова, Соловьева, Пыпина, Бартенева, т.е. современников Щедрина, что само по себе является ироническим анахронизмом.

Игра в самоуничижение продолжается, когда пушкинский герой вспоминает о неудавшейся попытке познакомиться с «сочинителем Б.» в бытность своей юнкерской службы. Рассказ об этом эпизоде завершает резюме: «Таким образом уважение к русской литературе стоило мне тридцати копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста...» Обоюдострый характер иронии становится очевиден, если знать, что сочинителем, за которым гнался незадачливый юнкер, был Булгарин, с которым в эту пору ожесточенно полемизировал Пушкин. Полемика журнальная находит отклик и в художественном тексте, но на ином стилистическом уровне. Впрочем дух игры прослеживается повсюду.¹⁹

¹⁹ В письме Дельвигу, которое он пишет из Болдино 4.11.1830 г., буквально оторвавшись от рукописи «Истории села Горюхино», на которой стоят даты 31.10 и 1. 11, дух игры также

Многостильность, заметная в авторском предуведомлении, соединение выпренности и безыскусности слога, смешение высокого стиля с разговорным - тоже приметы карнавализации. Рассказывая о возвращении в Горюхино, о встрече с челядью, Белкин пишет просто, но стоит ему коснуться предмета своей страсти, т.е. сочинительства, как появляются «красивости». Признания рассказчика о его первых поэтических опытах («я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории», героем которой стал Рюрик, но она не пошла, начал трагедию, но и она не состоялась, «попытался обратить ее в балладу - но и баллада как-то мне не давалась», вдохновения хватило лишь на стихотворную надпись к портрету Рюрика) содержат ироническую пародию в адрес целой толпы подражателей Вальтеру Скотту, о которых Пушкин писал в 1830 году: «Вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости».²⁰ Есть в этих признаниях также отголоски полемики Пушкина и с «шишковистами», и с младшими архаистами (Кюхельбекером, Катениным), которые стремились возродить высокие жанры, высокого героя, держались высокого стиля. «Высокий план» архаистов, свидетельствует Тынянов, был для Пушкина неприемлем.

Не исключено, что откровения Белкина - парафраз признаний гофмановского ученого кота Мурра.²¹ Одержимый страстью к сочинительству, кот Мурр также брался за героическую поэму в двадцати четырех песнях, но получилось у него нечто противоположное «Илиаде». У Гофмана вся соль иронии - в соединении высокого слога и ничтожности кошачье-чердачной темы (это несоответствие заметно уже в названиях философского дидактически-сентиментального романа «Мысль и Чутье, или Кот и Собака», а также политического трактата «О мышеловках и их влиянии на мышление и дееспособность кошачества»). Соединение «неравно высокого» - главный иронический прием в «Истории села Горюхина». Однако образ Ивана Петровича Белкина сложнее и многозначнее гофмановского Мурра и выполняет иные функции.

Белкин начисто лишен мурровой самонадеянности, напротив, он склонен недооценивать свои заслуги. Повести, им сочиненные и опубликованные, он называет «мелочными и сомнительными анекдотами». Не забудем, что развенчание, поругание входят в карнавальную логику. Но в этой заниженной самооценке угадывается и глас современной критики, которая недоброжелательно приняла повести Белкина, не поняла и недооценила их.

Анекдот и впрямь был сюжетной основой повестей, и в этом залог их жизненности и динамизма. Рассказчик, не осознающий значимости

заметен: «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело - и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина».- А.С.Пушкин. ПСС. Т.Х. стр.314.

²⁰ А.С.Пушкин. ПСС.Т.VII, стр. 102.

²¹ Знакомство Пушкина с Гофманом до начала 1830-х годов почти не атрибутировано. Плохо зная немецкий язык, Пушкин мог познакомиться с Гофманом только в переводах. В его библиотеке имелось полное собрание сочинений Гофмана, вышедшее в Париже в 1830-33 гг. В письме от 2.10.1833 г. С.А.Соболевский сообщает Пушкину, что у художника Г.Гагарина «есть прелестные рисунки к "Ночным рассказам" Гофмана» (Переписка Пушкина в 2-х томах. М., 1982. Т. 2, стр. 427). Музыкальный критик и пианист В.Ленц, рассказывая в своих воспоминаниях о встрече с Пушкиным у Одоевского в ноябре 1833 года, свидетельствует об увлечении Пушкина Гофманом: «Гофмана фантастические сказки в это самое время были переведены в Париже на французский язык и, благодаря этому обстоятельству, сделались известны в Петербурге. ... Пушкин только и говорил, что про Гофмана» (Дневник А.С.Пушкина. Вып. 1. М.-П., 1923, стр. 281).

созданного им и одновременно дерзающий «быть судьей, наблюдателем и пророком веков и народов»- это еще один розыгрыш. Пушкинская ирония в адрес адептов «высокого плана» в искусстве распространяется и на незадачливого рассказчика. Комичны его самопризнания относительно выбора масштабов исторического повествования: от мысли писать мировую историю он, постепенно сужая горизонты, опускаясь с горних высот на грешную землю (все тот же мотив «снижения»), идет к истории села. Да и тут без анекдота не обошлось. Рассказ о находке на чердаке корзины с хламом, среди которого оказались календари столетней давности с пометками прежних владельцев усадьбы, история находки другого «источника», записок сельского дьячка, лист которых был употреблен мальчишками на изготовление воздушного змея и в таком качестве попал на господский двор - что это как не анекдоты? И хотя считается, что анекдот и пародия - антиподы, у Пушкина они идут рука об руку.

Завершается исповедь рассказчика апофеозом-увенчанием. Окончив свой труд («с помощью Божиею совершил оный сего ноября 3 дня 1827-го года»), он чувствует себя новым Пименом. Он сам себя венчает на царство сравнением с английским историком Гиббоном, автором «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776-1788). От бывшего самоуничтожения нет и следа: «Ныне, как некоторый мне подобный историк (sic! - Г.И.), коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвиг, кладу перо и с грустью иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что, написав Историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что пора мне опочить!» В карнавальной традиции все происходит наоборот: за шутовским увенчанием короля идет его развенчание. Пушкин переиначивает, перелицовывает и этот обычай, но сохраняет верность амбивалентному смеху. Заметим попутно, что летописец Щедрина, именующий себя Павлушкой Воскобойниковым, то представляется недостойным, смиренным, трепещущим, живущим, как и Белкин, на медные деньги архивариусом, то мнит себя легендарным Бояном или, по меньшей мере, создателем нового «Слова о полку Игореве».

Смех Пушкина редуцирован. Он «приглушается до минимума: мы как бы видим след смеха в структуре изображенной действительности, но самого смеха не слышим».²² Пушкин не смеется над «низменностью» заметок, послуживших источником «Истории Горюхина», он иронизирует над рассказчиком, именующим их летописями. Он, перелопативший горы архивных материалов, знающий цену документу, подходит к этим записям, на наш взгляд, пустым и бессодержательным, как художник и извлекает бездну художественного смысла из них, столетием ранее Ахматовой демонстрируя, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Вот образчик «летописи»: «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. 6 - корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 - погода ясная. 9 - дождь и снег. Тришка бит по погоде. 11 - погода ясная. Пороша. Затравил 3 зайцев». И вот из этого «сора» вырастают портрет русского мелкопоместного дворянина XVIII столетия, образ его «безделушечной» жизни, характер его отношения с крепостными, типы дворовых.

Пародируя серьезные труды историков, Пушкин начинает со сведений географических, этнографических, обращается к статистике. В этом нет ничего смешного. Однако смех возникает, поскольку незначительные и ординарные факты подаются в манере нарочито

²² М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, стр.221.

глубокомысленной, объективистски бесстрастной (пародия на научность). Обычно избегающий гиперболизации, Пушкин позволяет Белкину взглянуть на Горюхино в телескоп, и оно тут же в его воображении вырастает до размеров страны со своим особым народом и даже языком, что отвечает претензиям рассказчика быть «наблюдателем веков и народов». С комической серьезностью начинается историческое повествование: «Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ».²³ Невозмутимая серьезность, научная педантичность, с какой обозначаются границы «страны» с соседними деревнями и непроходимой болотиной, глубокомысленность суждения о том, что «язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский», вызывают ироническую усмешку. Щедринский летописец также уподобляет захолустный Глухов Древнему Риму, всерьез настаивая на приоритете своего отечества. «В Риме сияло нечестие, а у нас - благочестие, Рим заражало буйство, а нас - кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники».

Пушкин в смеховых целях часто использует приемы «смещения», «сдвига» как в сторону неоправданного возвышения, так и снижения. «Науки, искусства и поэзия находились в Горюхине издревле в цветущем состоянии», - начинает рассказчик очередной этнографический экскурс. Однако тут же выясняется, что под науками он разумеет лишь элементарную грамотность, под искусствами - игру на балалайке и волынке, а под поэзией - песни и стихи доморощенного Вергилия - Артема Лысого (сравнение с Вергилием принадлежит рассказчику). «Музыка была всегда любимое занятие образованных горюхинцев», - продолжает автор, поясняя при этом, что чаще всего она звучала «в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла». А поскольку под этим эвфемизмом скрывается кабак, то и «образованность» горюхинцев оказывается под сомнением.

Пушкин далек от того, чтобы смеяться над горюхинцами, т.е. над народом. Тема «Пушкин и народ», видимо, требует нового осмысления, но это за пределами наших возможностей. Отметим лишь то, что Пушкин в отличие от Гоголя, Толстого и Достоевского не обожествлял и не идеализировал народную стихию. В «Истории села Горюхина» он не льстит народу, и в этом Салтыков-Щедрин ему следует. «Шестидесятники» ему этого не простили. Против Щедрина, как это ни парадоксально, объединились «почвенник» Достоевский и «нигилисты» Писарев и Зайцев, его обвиняли в дворянском либерализме, его сочинения называли «цветами невинного юмора». Как это напоминает нападки Булгарина и кампании на Пушкина по поводу его «недемократизма»! Как удивительно однообразны мотивировки защитников русского народа от Пушкина, от Щедрина!

В отличие от автора «Истории одного города» Пушкин не упрекает народ в долготерпении и не винит в покорности. Понимая обоснованность народного недовольства,²⁴ Пушкин не приемлет русского бунта. «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда...»²⁵ - таково его откровенное признание. В «Истории Пугачева» он анализирует природу

²³ Характеризуя Горюхино, Пушкин основывается на данных о Болдине, которое по ревизии 1794 года равнялось 240 десятинам.

²⁴ См. запись в дневнике от 17.03.1834 г.: «Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» - А.С.Пушкин. ПСС. Т.VIII, стр.40.

²⁵ Переписка А.С.Пушкина в 2-х томах. Т.1, стр.247. Письмо Вяземскому от 10.07.1826 г.

русского бунта, но отнюдь не поэтизирует его, как это сделали русские символисты.

Итак, продолжим сопоставление. Сходство сюжетной модели Пушкина и Салтыкова-Щедрина сразу бросается в глаза: история у обоих прослеживается от незапамятных времен, от баснословного «золотого века» до настоящего, завершаясь периодом катастрофического упадка и разорения. «Историческое время» и у Пушкина, и у Щедрина объемлет сто лет, хронологически - почти весь XVIII и первую четверть XIX века. Помимо сюжетного сходства заметны и композиционные переключки. Щедрин воспользовался приемом, найденным Пушкиным в повестях Белкина - ввел вымышленного рассказчика. Но кто из русских писателей не прибегал к этому приему?! Однако только у Щедрина он реализован столь приближенно к оригиналу. Вслед за Пушкиным он объявляет себя издателем найденной рукописи и предваряет собственно историю города описанием источников, послуживших материалом для нее. У Пушкина это было собрание старинных календарей от 1744 до 1799 года, испещренных заметками прадеда и деда рассказчика, записи горюхинского дьячка, именуемые им летописью, а у Щедрина - Глуповский Летописец, опись градоначальникам, а также сочинения последних (записки, проекты и даже диссертация). Оба фиксируют внимание на внешнем виде «источников», подмечая всякие мелочи вроде титлов или следов, оставленных мышами и мухами.

Щедрин вслед за Пушкиным прибегает к «говорящим» названиям (Горюхино - Глупов), вводит топографические и этнографические подробности. Заметна близость отдельных деталей. Так, Пушкин упоминает о Бесовском болоте неподалеку от Горюхина и объясняет происхождение его названия: «Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса...» В окрестностях Глупова есть урочище «Дунькин враг». Щедрин поясняет этимологию названия: это «глубокий провал, в который, по преданию, скатилась некогда пушкарская девица Дунька, спешившая, в нетрезвом виде на любовное свидание».

Склонность к пьянству отмечена в обеих «Историях». Горюхинцы ему предаются в храмовый праздник, а в Глупове пьют и с радости, и с горя. Но оно не становится предметом осмеяния. Объяснением тому могут служить слова Белинского: «Пьянство русского человека есть не слабость... пьянство русского человека есть порок, и порок не комический, а трагический...»²⁶

Характеризуя ментальность глуповцев, Щедрин во многом следует за Пушкиным: и в Горюхине, и в Глупове народ привык жить и выступать миром (понятие «мир» как община фигурирует у обоих). И тут, и там, сохраняется память о вечевых сходах, но сам дух вечевой свободы угас. Оба писателя создают обобщенный образ простонародья, и даже способы выражения, передачи собирательности этого образа у них сходны. У Пушкина: «... и Горюхино заснуло, не предвидя, что ожидало его», «Горюхино приуныло». У Щедрина: «Глупов закипал», «Глупов, беспечный, добродушно-веселый Глупов, приуныл».

Несмотря на различие объемов (у Пушкина на семи страницах все эскизно, конспективно), в обеих «Историях» ключевой оказывается

²⁶ В.Г.Белинский. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 4. М., 1979, стр. 213.

проблема отношений народа и власти. У Пушкина власть представляют староста, управляющий, помещик, у Щедрина - градоначальники. Сами же отношения складываются по вертикали как противоположность неограниченной власти («верх») и долготерпения и покорности народа («низ»).

Власти становятся у Пушкина предметом осмеяния. Заметно различие в степени иронии в адрес старосты и управляющего. Староста Трифон хоть и «владычествует», но он выборный, свой. Он понятен, ибо таков, как все: безграмотный, завсегдатай «увеселительного здания», то бишь кабака. Называя старосту «сановником», рассказчик иронизирует не столько над ним, сколько над самим феноменом власти, каковой он был облечен. Хотя и власть-то, если здраво рассудить, была ничтожная. Стоя перед присланным управляющим без шапки, он трепетал, как и все горюхинцы. Да, был плутоват, лукавил перед господами, барин обвиняет его в «плутовском потворстве» мужикам. Но в глазах Пушкина оно не заслуживает сарказма. Более того, Пушкин отмечал «веселое лукавство ума» как отличительную черту русской ментальности наряду с «насмешливостью и живописным способом выразиться»²⁷, и не просто отмечал, а высоко ценил эти врожденные народные свойства.

А вот к управляющему - совсем иной подход. Тут вступает в силу оппозиция «свой» - «чужой» (еще одно проявление дуальной природы русской культуры). Управляющий - чужак. Само его появление обставлено любопытными деталями: в разгар храмового праздника, когда у многих двоилось в глазах, «въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парюю кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид, а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ». Неуместность и чужеродность незнакомца усугублялись присутствием еврейского возницы. Еврей - ямщик! Нечто невероятное и явный анахронизм по тем временам, когда в России неукоснительно соблюдалось положение о «черте оседлости». Тут недалеко и до мысли о нечистой силе, которая то ли принесла, то ли вселилась в управляющего. Его «политическая система» привела к тому, что «в три года Горюхино совершенно обнищало». Сама система, основанная на аксиоме: «чем мужик беднее, тем смиреннее», - описана в традициях редуцированного смеха.

Щедрин пошел гораздо дальше в своем критицизме. Его смех в адрес градоначальников язвителен, саркастичен. Их образы созданы в гротескной манере, к которой Пушкин прибегал редко. В «Истории села Горюхина» нет гротеска, разве что упоминание о земском Терентии, единственном грамотее, писавшем и правой, и левой рукой. В глубокой старости он «приучался писать правую ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны».

Следы «пристального» чтения Пушкина в «Истории одного города» проявляются на разных уровнях. На явные схождения мы указали, но примеры можно множить. «Обращение к читателю» глуповского летописца начинается слегка переиначенной цитатой из Пушкина. «Неужели же мы, христиане, от Византии свет получившие,» - с пафосом восклицает Павлушка Воскобойников, включая «чужое» - пушкинское - слово в свою речь, исполненную глубокого сарказма, отчего слово это приобретает совершенно иной смысл. «Приняв свет христианства от Византии», - так

²⁷ А.С.Пушкин. ПСС. Т.VII, стр.32.

начал Пушкин свой набросок «О ничтожности литературы русской» (опубликован в 1855 году)²⁸, не вкладывая в свои слова о России никакой иронии.

Щедрин не был копиистом и весьма свободно обращался с пушкинским текстом. Большому художнику бывает достаточно искры, слова-искры, чтобы запылал костер его воображения. Пушкинский рассказчик, делаясь соображениями относительно причин, побудивших его отказаться от написания истории уездного города, ссылается на ее малую занимательность и замечает, что единственным значительным событием в ней был «ужасный пожар, случившийся десять лет назад и истребивший базар и присутственные места». Вот, собственно, и все. Щедрин, как известно, писал историю именно уездного города, и фраза, «проходная» у Пушкина, выросла в поразительный по силе рассказ о пожаре, который длился несколько дней и уничтожил слободы и большую часть Глупова. Рассказ этот составляет целую главу – «Соломенный город».

«Мрачная туча нависла над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял», - так начинается у Пушкина рассказ о неожиданном приезде в Горюхино управляющего. Мрачные тучи нависают и над Глуповым, дотла разоренным Угрюм-Бурчеевым, накануне исчезновения сего прохвоста: «Север потемнел и покрылся тучами; из этих туч нечто неслось на город: не то ливень, не то смерч... Оно пришло...» На сходстве этого образа можно было не задерживаться, но значимость, а, главное, неразгаданность щедринского финала, в котором появляется эта мрачная туча, беременная загадочным Оно, побудили напомнить об этом сходении. Точно так, как многие советские пушкинисты прочли «бунт» как знак крестьянской революции, несущей освобождение, так и исследователи «Истории одного города» увидели в таинственном «Оно» гнев народа и будущую революцию (по другой трактовке - наступление реакции).²⁹

Планируя показать бунт горюхинцев, Пушкин, судя по всему, имел в виду то, что приключилось в Болдине во время пугачевщины, когда взбунтовавшиеся крестьяне чуть было не повесили управляющего. Что касается щедринского финала, он должен быть прочитан в контексте пародийной, гротесковой природы книги. Жизнь глуповцев под началом их градоначальников была сплошной фантазмагорией. Явление «Оно» - еще одно вмешательство фантастических, сверхъестественных сил. Финал оставляет простор для толкований. Он «открыт», несмотря на то, что летописец завершает свою запись: «История прекратила течение свое», а издатель, подыгрывая летописцу, припечатывает заключительную фразу словом «Конец». Но это розыгрыш, мистификация. Само исчезновение Угрюм-Бурчеева («...бывый прохвост моментально исчез, словно растаял в воздухе») носит фантастический или сказочный характер. Почти как у Пушкина в «Сказке о золотом петушке», где шамаханская царица «вдруг пропала, будто вовсе не бывало». Исчезновение Угрюм-Бурчеева, помноженное на апокалипсическое явление «Оно», в глазах насмерть запуганных обывателей равносильно концу света, но, как известно, тираны приходят и уходят, а жизнь течет. И потому финал книги следует воспринимать как элемент «игры». Он органичен, созвучен ее пародийной поэтике. Именно пародийная поэтика, смеховая природа незавершенной «Истории» Пушкина и книги Щедрина образуют глубокое родовое сходство, более важное, чем отдельные сходения и переклички.

²⁸ Там же, стр. 306

²⁹ М.Е.Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти томах. Т.8. М., 1970, стр.545-547.

«История одного города», по своей жанровой сущности (не по канону) принадлежащая к мениппее (термин Бахтина), - значительное явление в серьезно-смеховой литературе. Создавая ее, Щедрин опирался на традиции смеховой культуры Древней Руси, почти не известные Пушкину. «Открытие» древнерусской литературы происходило уже после его смерти. Щедрин был современником и знакомцем некоторых из «открывателей», в основном это были фольклористы Ф.Буслаев, Н.Тихомиров, А.Афанасьев, Вл.Даль, А. Пыпин.

Современные исследователи смеховой культуры Древней Руси, Д.С.Лихачев и А.М.Панченко, увидели своеобразие древнерусской сатиры в том, «что создаваемый ею "антимир", изнаночный мир неожиданно оказывался близко напоминающим реальный мир. В изнаночном мире читатель "вдруг" узнавал тот мир, в котором он живет сам. Реальный мир производил впечатление сугубо нереального, фантастического - и наоборот: антимир становился слишком реальным миром ... В этих условиях смеховая ситуация становилась грустной реальностью. Сатира переставала быть смешной. Сатира в древнерусской литературе - это не прямое высмеивание действительности, а сближение действительности со смеховым изнаночным миром. При этом сближении утрачивалась смеховая сущность изнаночного мира, он становился печальным и даже страшным».³⁰ Их открытия дают ключ к пониманию книги Щедрина, в которой мир Глупова предстает как «перевернутый», как антимир.

Мотив безумия, столь характерный для мениппеи и смеховой культуры средневековья, возникнув в самом начале, развивается и доминирует в дальнейшей истории Глупова. В этом мире, где все поставлено с ног на голову, возможно самое невероятное: и градоначальники с фаршированными головами или с органчиками вместо головы, и возвращение обывателей к язычеству и поклонение кумирам в начале XIX столетия, и «войны за просвещение», развязанные самим же градоначальником против обывателей, и попытки остановить течение реки, и полное уничтожение города руками самих его граждан, разумеется, по приказу свыше, и бунт на коленях не в переносном, а в прямом смысле слова, и многое другое. По мере знакомства с глуповскими градоначальниками смех уступает место ужасу. Уместно вспомнить замечание Пушкина о том, что иногда «ужас выражается смехом».³¹ Видимо, здесь имеет место именно такой случай. Смеховой мир, перестав быть смеховым, становится трагическим. Щедрину близок «видный миру смех и незримые неведомые ему слезы» Гоголя, на что обращали внимание исследователи его сатиры. Мы же попытались указать на родственность автору «Истории одного города» - пусть относительную, частичную - и пушкинского смеха.

³⁰ Д.С.Лихачев. Избранные работы в 3-х томах. Т.2. М., 1987, стр. 396-397.

³¹ А.С.Пушкин, ПСС. Т.VII, стр. 81.